

ВСЕ ВЕЛИЧАЙШИЕ

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Все величайшие

Николай Дорожкин

Все величайшие путешественники

«Издательство АСТ»

Дорожкин Н. Я.

Все величайшие путешественники / Н. Я. Дорожкин —
«Издательство АСТ», — (Все величайшие)

Эта книга посвящена людям, жившим в разные времена в разных странах. Но они были одержимы дерзким стремлением идти вперед, за горизонт. И именно благодаря таким энтузиастам, на карте появились новые моря, континенты, проливы, острова... Эта книга о великих путешественниках. Для массового читателя.

Содержание

Странные люди – плавающие и путешествующие	5
Первые путешествия исторических времен	7
Моские экспедиции фараонов	8
Лучшие корабли средиземноморья	10
Тугие паруса Эллады	11
Русь странствующая	13
Маршруты Киевской Руси	14
Плавания новгородцев	16
Что искал купец за тремя морями?	19
Открытия америки	23
Китайцы и там успели	24
Египетские и финикийские следы	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Николай Дорожкин

Путешественники

Странные люди – плавающие и путешествующие

(Предисловие автора)

«Плавающие и путешествующие» – эти слова, христианской молитвы ныне относятся ко всем, кто перемещается по воде и суше, по воздуху и заатмосферному пространству. Но все ли плавающие и путешествующие могут быть названы путешественниками? Если человек просто меняет место жительства и переезжает в другой город или другую область, страну, даже часть света – это ещё не путешественник. И даже если человек несколько раз объедет или облетит земной шар, но узнает за это время только названия городов и стран да число «накрученных» километров, то оснований называться путешественником у него не больше, чем у его дорожного чемодана. И напротив, турист-краевед, обошедший район или область и поведавший людям что-то новое либо малоизвестное о пройденных им местах, уже является настоящим путешественником.

И есть особая категория странствующих людей – великие путешественники. Кто они? Прежде всего это – открыватели. Открыватели новых путей по суше или воде. Открыватели неведомых земель и морей, гор и рек, стран и народов. Это исследователи земной и человеческой природы – врачи, зоологи, ботаники, геологи, и исследователи человеческих рас и культур – антропологи и этнографы. Это и путешественники поневоле, то есть в силу служебных или иных профессиональных обязанностей – военные и промышленные разведчики, торговцы в поисках новых рынков, генералы и адмиралы, командующие своими войсками в дальних походах и при этом не утрачивающие любознательности. Это учёные, доказывающие правоту своих теорий специальными экспедициями. Это и искатели новых мест для переселения своих племён и народов.

Наконец, среди великих путешественников немало и просто искателей приключений. Да, это были «флибустьеры и авантюристы», как предводители викингов и казачьи атаманы, конкистадоры и пираты – то есть люди, чьи деяния часто были не в ладу с законом как в юридическом, так и в морально-нравственном смысле. Но умалчивать о тёмных сторонах великих людей – это значит обезличивать их. Потому что все они были пассионариями, то есть одержимыми страстным стремлением действовать. Но пассионарность, как и гениальность – величина не векторная, а скалярная. Она может служить и добру, и злу. И если великие путешественники остались навеки в благодарной памяти человечества – значит, их добрые дела многократно превысили причинённое зло. Невольно вспоминаются гениальные строки Михаила Анчарова из его знаменитой «Баллады о парашютах»:

«И сказал Господь:
– Эй, ключари!
Отворите ворота в сад!
Даю команду – от зари до зари
В рай пропускать десант!..
И сказал Господь:
– Это ж Гошка летит,
Благушинский атаман.

Череп пробит, парашют пробит,
В крови его автомат...
Он грешниц любил, а они его,
И грешником был он сам.
Но найди мне святого хоть одного,
Чтобы пошёл в десант!»

А путешественники – это тоже десантники, со всеми теми качествами, без которых не может действовать этот отборный род войск. И поэтому книги о великих путешественниках – это не «Жития святых», а очерки о действиях пассионариев – личностей страстных и противоречивых, сильных, дерзких и устремлённых к достижению цели, иногда неведомой им самим.

Вот об этих людях и их делах пойдёт речь в предлагаемой книге.

Первые путешествия исторических времен

Из книг по истории сам собой напрашивается вывод, что самыми древними путешествиями (массовыми и организованными) были военные экспедиции, связанные с захватами новых территорий. А поскольку во главе вооружённых сил стоял обычно властитель, глава государства – фараон, царь, император, то и путешествие проходило под его руководством, и все сделанные в ходе экспедиции открытия современники и потомки связывали с его именем.

Как правило, завоевательные войны начинаются после объединения нескольких близких по культуре народов. Получив значительную территорию, сидящий на троне властелин оглядывает свои владения и, естественно, обращает взоры на сопредельные земли. Поразмыслив и посоветовавшись с министрами и генералами, правитель принимает решение присоединить к растущей державе ещё некоторые страны и народы. Снаряжаются и отправляются в путь войска. Иначе говоря, военные экспедиции, все участники которых – вооружённые путешественники...

Другая важнейшая категория странствующих людей – купечество. Успешная торговля у себя на родине или, напротив, неблагоприятная обстановка – падение цен, засилье конкурентов, – то и другое побуждает предприимчивого коммерсанта расширять рынок. Торговец начинает прислушиваться к рассказам бывалых людей, выспрашивает, где какие товары, сколько стоят, как попасть в самые «выгодные» места, много ли на пути лихих людей... И вот уже подбираются попутчики, закупаются товары, снаряжаются целые караваны. Транспортные средства не отличаются разнообразием – на суше это лошади, ослы, мулы (гибриды лошади и осла), верблюды; на реках и морях – лодки, галеры, парусные корабли. Куда не дойдут полки вооружённых воинов, туда проникнут неутомимые торговцы.

Следующая разновидность путешественников – рыбаки и охотники. Как известно, промысловая удача переменчива. Птица, рыба, зверь лесной и степной время от времени мигрируют – а что остаётся делать человеку-добытчику? Приходится сниматься с места и устремляться за привычным источником существования, преодолевая немалые пространства.

И кочевник-скотовод сильно зависит от природных условий. Засушливые или, наоборот, слишком влажные летние периоды, слишком морозные или бесснежные зимы вынуждают целые племена и народы сворачивать шатры и юрты, навьючивать нажитое добро на спины выносливых животных, точить сабли и следовать к новым местам, где аборигены, скорее всего, не ждут незваных гостей. Так иногда вынужденные переселения совмещаются с военными экспедициями...

И самая, наверное, малочисленная порода путешественников – это миссионеры, несущие свои верования другим народам, учёные, странствующие по просторам Земли из собственного любопытства или по заданию научного руководства, да ещё люди, которым просто не сидится на месте – те, кем «овладело беспокойство, охота к перемене мест, души мучительное свойство, немногих добровольный крест». Несёт и гонит их по суше и воде ветер дальних странствий. «И мелькают города и страны, параллели и меридианы...»

Но самыми массовыми были всё-таки военные экспедиции. Однако, чтобы говорить более предметно, давайте обратимся к истории...

Моские экспедиции фараонов

Завоевательные походы Египта начались после объединения страны под властью фараона Менеса (около XXX века до Р. Х.). Уже в следующем веке армия фараона Дена вторглась на Синайский полуостров и разбила войска местных кочевых племён. На Суэцком перешейке, соединяющем Африку с Азией, египтяне обнаружили группу горько-солёных озёр. В XXVIII в. до Р. Х. фараон Джосер направил туда войска под командованием военачальника Нетанха, которые присоединили к Египту весь Синайский полуостров. Здесь египтяне начали добывать прочный строительный камень, медь, малахит и бирюзу. В XVI в. до Р. Х. фараон Тутмос I с войском пересёк Сирию и дошёл до верхнего течения Евфрата. Река, текущая с севера на юг, вызвала изумление египтян, считавших, что все реки, подобно Нилу, должны течь только с юга на север.

Продвигаясь в южном направлении, Хуфхор, губернатор острова Элефантины, пересёк пески пустыни Сахары и открыл полосу саванн. Это было в годы правления Пиопи II (XXIII в. до Р. Х.). Северная экспансия египтян была связана со Средиземным морем. Обладая большим опытом сухопутных экспедиций в труднейших условиях, египтяне были намного слабее как мореходы. Осваивая земли Передней Азии и Африки, они долго не решались совершать дальние путешествия по морю. Тем не менее, первенство мореходства на Ближнем Востоке принадлежит египтянам.

Первая египетская судоверфь была построена около 2900 г. до Р. Х. К этому же периоду относятся и древнейшие изображения вёсел. А первым вышел в море фараон Снофру, налаживая регулярные морские торговые контакты с Библом в Ливане. Для этого фараона были доставлены в Египет корабельные кедры из Ливана. Это был знаменитый ливанский строевой кедр, изображение которого и сегодня, являясь символом страны, украшает государственный флаг Ливана. До наших дней в Ливане сохранилось около 400 этих благородных деревьев, упоминаемых ещё в Библии.

Из надписей на барельефе с изображением эскадры египетских судов, относящегося к середине XXX в. до Р. Х., следует, что при благоприятном ветре путь от устья Нила до берегов Сирии занимал у мореходов четыре дня. К этому времени в Египте появляются материалы, которые можно было доставить только морским путем: диорит из Омана, мирру, электрон (сплав золота и серебра) и редкие породы деревьев из Пунта, медь, малахит и строительный камень с Синая.

В 2750 г. до Р. Х. из Коптоса на Ниле в страну Пунт (так называлась восточная оконечность Африки и часть южного побережья Аравийского полуострова) отправилась морская экспедиция под руководством Ханну, министра фараона Ментухотепа III. После пешего перехода с группой воинов через пустыню на восток от Нила Ханну достиг порта Косейру (Клизма) на побережье Красного моря, а затем морем вдоль берега он добрался до Пунта. Закупив там ценные благовония, министр выполнил задание фараона, но, судя по сохранившейся надписи на скале, этим не ограничился. По завершении главного дела он «...прибыл в порт Себа и там построил грузовые корабли, чтобы отвезти назад разные товары...» Завершив экспедицию, отважный чиновник дал ей свою историческую оценку: «Такое дело было совершено впервые с тех пор, как существуют фараоны».

На рубеже 2500–2400 гг. до Р. Х. в Египте уже строили каналы и грузовые корабли для доставки гранита к месту сооружения крупных зданий. Известен факт, когда двум тысячам кормчих понадобилось три года для доставки по воде из Элефантины в Саис одного здания, высеченного из цельного камня. Порожняком этот путь суда проходили за три недели. Христианские предания называют эти здания «житницами Иосифа» – складами для запасов зерна,

которые, будучи на службе у фараона, накопил Иосиф, сын Иакова-Израиля, чем в неурожайные годы спас народ Египта от голода.

К середине XIX в. до Р. Х. фараон Сенусерт III построил канал от Красного моря до города Бубастис на Ниле. С этим каналом связана интересная гипотеза. Французский учёный Мишель Леско, исследуя мумию фараона Рамсеса II, доказал, что в состав бальзамирующего раствора обязательно входил никотин. Но табак, содержащий это вещество, был завезён в Европу только через три тысячи лет, после плавания Колумба. Однако никотин содержится не только в табаке, но и в других растениях семейства пасленовых. Таковые встречаются на островах у берегов Австралии. Но тогда всё это означает, что египтяне или сами плавали через этот канал до Австралии и даже Америки, или получали содержащие никотин растения по торговым путям от других современных им мореплавателей.

Исследователи древних путешествий предполагают, что в период правления фараона Эхнатона (Аменхотепа IV), то есть в первой половине XIV в. до Р. Х., египетские моряки могли, пройдя через канал от главного рукава Нила до Красного моря и следуя далее курсом на северо-восток, огибая Аравийский полуостров, достигать устья Инда (Индия), или, следуя курсом на юг вдоль берега Африки, направляться в Офир – загадочную библейскую страну золота и алмазов. Она располагалась, вероятно, в юго-восточной Африке за экватором в районе современного г. Софала (Мозамбик). Если это так, то египтяне, возможно, стали первыми жителями планеты, совершавшими морские переходы в Южное полушарие. Это было во времена правления фараона Рамсеса II (1317–1251 гг. до Р. Х.).

Есть сведения о первой морской экспедиции вокруг Африки, совершенной в 596 г. до Р. Х. во время правления фараона Нехо II. При нём в очередной раз был восстановлен канал между Нилом и Красным морем, пришедший в запустение в период владычества Ассирии. Нехо II, располагая информацией, что Африка со всех сторон, кроме Суэцкого перешейка, окружена морем, организовал крупную экспедицию. Но египетской она может быть названа только потому, что была организована и оплачена фараоном. Осуществляла плавание нанятая им команда финикийцев, которые справедливо считаются самыми опытными и отважными моряками древности. Экспедиция получила задание: выйдя из Красного моря в Индийский океан, обогнуть берега Африки, дойти до Геркулесовых Столбов (Гибралтарского пролива) и через Средиземное море возвратиться в Египет.

Задание фараона отважные финикийцы выполнили. За три года экспедиция прошла немногим менее 40 000 км, что равно длине экватора. При этом, когда их суда огибали Африку, они «видели солнце с правой стороны», что и зафиксировали. Это обстоятельство убедительно доказывает факт пересечения экватора. Ведь сегодня является азбучной истиной, что для путешественников, находящихся южнее экватора, полуденное солнце будет на севере, и при движении в западном направлении они видят его не слева, как в Северном полушарии, а справа.

Намного позже, во II в. до Р. Х., когда Египетским государством правила греческая династия Птолемеев, была организована новая экспедиция вокруг Африки – в Индию, то есть в обратном направлении. И опять совершали плавание наёмные моряки – на этот раз греки под командованием Эвдокса. Есть обоснованное предположение, что для Эвдокса это было уже далеко не первое плавание в Индию. В одном из походов кормчий Эвдокса Гиппал сделал важное открытие – объяснил, почему в Индийском океане с мая по сентябрь дует юго-западный ветер, а с октября по апрель – северо-восточный. Используя это знание, греки могли добираться в Индию вдвое быстрее, чем раньше. Позднее эти сезонные ветры получили название муссонов.

Лучшие корабли средиземноморья

Когда фараон Нехо доверил поход вокруг Африки не соотечественникам-египтянам, а финикийцам, вряд ли это был случайный выбор. Еще в Библии есть упоминания о древнем средиземноморском народе «финикийцы», который славился своими талантливыми мореходами и кораблестроителями. Финикия состояла из нескольких городов-государств, среди которых крупнейшими были Тир и Сидон, сохранившиеся до наших дней как Сур и Сайда в современном Ливане. Некоторые авторы считают, что даже знаменитый ковчег – гигантский трёхпалубный корабль 132 м длиной, 22 м шириной и 14 м высотой – строили нанятые Ноем финикийцы из Тира. Даже название этого народа, обитавшего на землях нынешних Ливана, Сирии и Израиля, произошло от египетского слова, означающего «кораблестроитель».

Карфаген, основанный финикийцами (825–814 гг. до Р. Х.) на африканском побережье, стал со временем самостоятельным городом-государством. Карфагенские мореходы подробно исследовали Гибралтар и африканское побережье Средиземного моря, изучили «розу ветров». После завоевания всей Северной Африки и присоединения Сицилии, Сардинии, южных частей Испании и Кельтики (Франции) Карфаген превратился в центр могучей морской державы того же названия. Освоив западную часть моря, карфагеняне основали города, известные сейчас как Марсель и Палермо.

История сохранила имя карфагенянина Ганнона-Мореплавателя, который командовал морской экспедицией, посланной сенатом Карфагена для колонизации территорий на западном берегу Африки. На шестидесяти морских однопарусных кораблях экспедиции разместилось 30 тысяч мужчин и женщин, которые высаживались в разных точках африканского побережья для организации финикийско-египетских поселений. Как утверждает греческий перевод записей Мореплавателя, Ганнон действительно основал там шесть городов. Самый дальний из них, Керна, лежал на таком же расстоянии от Столпов, как и сам Карфаген.

Но Ганнон не удовлетворился тем, что основал в Африке города. Оставив в них большую часть людей, он отправился на кораблях вдоль африканского побережья дальше на юг. Известно, что Ганнон доплыл до какой-то большой и широкой реки, впадающей в океан. В этой загадочной реке было множество бегемотов. Это может означать, что карфагенянину удалось доплыть до Сенегала, поскольку при движении вдоль африканского побережья с севера на юг первой рекой, где водятся бегемоты, окажется именно Сенегал.

Как следует из перевода записей, миновав «реку бегемотов», корабли карфагенян прошли вдоль африканского побережья ещё дальше. И вот однажды... «Ночью мы увидели землю, охваченную пламенем. Посредине находился очень высокий и большой, чем все остальные, огонь. Казалось, что он касается звезд...» Что может означать эта ночная феерия? Скорее всего, карфагеняне увидели единственный на западном побережье Африки действующий вулкан Камерун. А он отстоит от Сенегала на три с половиной тысячи километров...

Затем Ганнон спустился на юг до Гвинейского залива (на широте Тропика Рака). Здесь карфагеняне впервые столкнулись с гориллами. Не зная о существовании человекообразных обезьян, моряки приняли крупнейших приматов за «волосатых женщин». Обследовав берега Африки к югу от Зеленого Мыса, экспедиция вернулась в Карфаген. Описания приключений отважных мореходов высечены на мраморной плите, установленной в храме верховного бога Карфагена Ваала Молоха (Мелькарта).

Тугие паруса Эллады

Древняя Греция времён Троянской войны (примерно XII век до Р. Х.) играла значительную роль в развитии мореходства. Быстроходные боевые и торговые корабли греческих полисов (городов-государств) активно осваивали водные пространства Черного моря. Это неважно, что всё царство Одиссея – Итака – умещалось на крошечном островке и по численности населения было не больше казачьей станицы на Кубани. Главное, что сам Одиссей и его спутники могли совершать дальние и длительные морские плавания. Но ещё задолго до Одиссея морское искусство эллинов прославил славный экипаж корабля «Арго».

В IV в. до Р. Х. греческий мореплавателю и астроном Пифей, уроженец Массалии (Марселя), отвоеванной греками у Карфагена, совершил плавание в «страны олова и янтаря», о чём оставил записки «Об океане» и «Описание Земли». Погрузив на корабль торговый груз (амфоры с вином), Пифей, возглавляя экипаж из 66 человек, умело обошёл карфагенские заставы и после захода на Гебридские и Оркнейские острова обогнул Британию, обозначил на карте её контур (достаточно условный) и определил длину береговой линии в 42,5 тысячи стадиев (7861 км), что очень близко к современному значению (8029 км). Затем греческие моряки добрались до Исландии, которую считали тогда «окраиной обитаемого Мира» (Туле). Судя по запискам Пифея, греки побывали у берегов нынешних Норвегии и Швеции, а также обследовали Балтийское море. Груз благородных напитков помог жизнерадостным сынам Эллады находить взаимопонимание с местными царями и простыми обитателями побережья Британии и Западной Европы.

Интересно, что в планах Пифея был и вариант возвращения в Массалию восточным путем – через русские реки и Чёрное или даже Каспийское море, которое в те времена считалось открытым водоёмом, связанным с Балтийским морем или Гиперборейским (Северным) океаном. Но, не обнаружив связи между Каспием и Балтикой, а также Чёрным и северными морями, Пифей возвратился в Марсель морским путем – вдоль европейского побережья Атлантики. Всё его путешествие заняло немногим более двух месяцев. Постоянные торговые связи с жителями Британии и Скандинавии установить Пифею не удалось, но зато он удачно обменял часть вина и все пустые амфоры на первоклассный балтийский янтарь.

В родной Массалии отважный мореплавателю получил репутацию своеобразного прототипа барона Мюнхгаузена. Звание «Великого Лжеца» он заработал после рассказов о замерзающем море на севере, о приливах и отливах (которых нет в Средиземном море), о том, что солнце там летом не заходит, а лед может соседствовать с горячей водой. Но время восстановило справедливость. В 1900 году, через двадцать пять столетий со дня основания города Массилии, в Марселе была установлена статуя Пифея.

Вскоре после плавания Пифея, в 325 г. до Р. Х., исследовательские плавания были продолжены. Правителем всей Греции был тогда Александр, сын Филиппа II, царя Македонии – небольшого государства, населённого предками южных славян. Учителем и воспитателем Александра был величайший учёный античности – македонянин Аристотель, благодаря чему будущий властитель многих народов Европы, Азии и Африки стал образованным человеком, одержимым жаждой познания. Даже великим завоевателем Александр Македонский стал не только из желания расширить пределы своих владений, но также из стремления увидеть и узнать как можно больше. Поэтому Александр Великий, выступая в поход во главе своего войска, становился и руководителем гигантской военной экспедиции. Известно, что пехотные и кавалерийские части армии Александра, преодолевая огромные расстояния, овладели Египтом, Персией, странами Средней Азии и землями до реки Инд.

Находясь с войсками в верховьях Инда, Александр отдал флотоводцу Неарху приказ совершенно не завоевательского характера – открыть морской путь от Инда к Евфрату: «У тебя

будет 150 кораблей и около 5 тысяч человек. Плыви на запад, а когда кончится провизия, причаливай к берегу и ищи встречи с моей армией, которая пойдёт берегом». Флот Неарха состоял из 33 двухпалубных галер и множества транспортных судов. На выполнение приказа потребовалось почти полгода. Неарх спустился вниз по Инду, миновал Крокалу (Карачи), добрался до Кармании (южная провинция Персии) и далее шёл вдоль берега до Персидского залива, где, подобно Пифею в Северной Атлантике, впервые обнаружил явления прилива и отлива. Исследовав северную часть Персидского залива, флот добрался до устья Евфрата.

В итоге примерно к 300 г. до Р. Х. греческие путешественники по морю и суше прошли от Тигра до Сыр-Дарьи, были на берегах Инда и Ганга, освоили моря Чёрное и Азовское, описали Красное и Каспийское моря и Персидский залив, добрались до берегов Сенегала, торговали с Испанией и Китаем, осваивали Великий шёлковый путь. Античная греческая культура оказала большое влияние на развитие целого ряда цивилизаций Средней Азии. Греческий язык стал средством международного общения.

Русь странствующая

Дорога, путь, стезя, тропа, колея... Странствие, путешествие, поездка, плавание, кочевье, хождение...

Путник, путешественник, странник, пешеход, кочевник, бродяга... Случайно ли в русском языке столько слов, связанных с передвижением человека по земной поверхности? Наверное, обширные просторы суши и водные пути немало способствовали стремлению наших далеких предков к странствиям и путешествиям.

А еще неуемное любопытство, извечное стремление узнать – что там, за морями, за горами, за дремучими лесами? Не потому ли многие герои русских народных сказок своей ли, отцовской или волей отправляются в путь-дорогу, и совсем не обязательно в тридевятое царство, тридесятое государство, чтобы найти там Жар-птицу или Царь-девицу, а иногда вообще «туда – не знаю куда, найти то – не знаю что»... И совсем не сказочный персонаж, а самый реальный тверской купец, совершив знаменитое хождение за три моря, оказался первым европейцем, прошедшим в Индию морским путем – за тридцать лет до прибытия туда португальских мореплавателей!

Маршруты Киевской Руси

Одним из предводителей восточнославянского племени полян был, согласно «Повести временных лет», князь по имени Кий. Вместе со своими младшими братьями Щekom и Хоривом и сестрою Лыбедью Кий возглавил один из полянских родов. В Среднем течении Днепра на высокой горе ими был основан город, который был назван Киевом по имени старшего брата. Был возле города «бор велик» и «звериные ловища». По словам летописца, Кий был первым полянским князем, ходил в Царьград (Константинополь), где принял великие почести от византийского императора. По одной из легенд, Щек (Чех) позже стал родоначальником чехов, а Хорив – хорватов.

Кроме Киева на Днепре, князь Кий основал небольшой городок Киевец на Дунае и хотел там поселиться. Но, не найдя взаимопонимания с местным населением, вынужден был возвратиться в Киев, ставший столицей Киевского княжества. Потомки Кия и его братьев в течение многих лет были князьями полян. Позже их владения были захвачены хазарами и древлянами.

В сентябре 862 года жители Новгорода избрали на княжение варяга Рюрика. Да, новгородцы призвали варяга. Чтобы понять, почему это произошло, надо иметь представление о некоторых сторонах новгородской жизни в IX веке. Государственное устройство в Новгороде было республиканским. Власть не передавалась по наследству. Правителей избирали на вече. Главой государства был посадник. Князь же отвечал за оборону, внутренние дела и безопасность. Посадник и князь – это примерно то же, что сейчас президент и министр обороны. При этом в договоре всегда было условлено, что князь не распоряжается землёй, не собирает налоги, не контролирует бюджет и не выносит решения суда без посадника. Для этих функций вече избирало своих людей. На этом и стоял вечевой строй Новгородской республики вплоть до завоевания Москвой при Иване III.

Почему же князем был избран чужеземец – варяг? В этот вопрос внёс ясность известный историк и археолог, академик Валентин Лаврентьевич Янин. Всё дело в том, что русские княжества всегда были многонациональными, и князем становился, как водится на Руси, не всегда русский человек. Новгородская Земля не была исключением. Её в IX веке населяли три племени – словене, кривичи и чудь. Когда стране грозило иноземное нашествие, воины всех племён составляли единое новгородское войско. Общими усилиями новгородцы отражали многих врагов. Прогнали и варягов. Но в мирной жизни возникла конфликтная ситуация: при избрании князя каждое племя выдвигало своего кандидата. Чтобы, выбрав князя из одного племени, не обидеть два других, вече решило пригласить его из совершенно посторонних людей – тех же варягов. Так Рюрик стал новгородским князем. Естественно, привёл и свою команду.

Но варяги – народ неуживчивый, если они даже из племени западных славян бодричей, к которым, возможно, принадлежали Рюрик и его люди. И вскоре в его команде начались раздоры. Сначала отделился воевода Рангвальд-Рогволод – он обосновался в Полоцке. Затем знатные варяги Аскольд и Дир со своими дружинами в 864 году, добравшись по Днепру до Киева, выгнали хазар и вокняжились сами. В 882 году Киев захватил новгородский князь Олег. Он убил обоих князей и основал новое государство – Киевскую Русь, границы которого простирались от Балтики и Белого до Черного моря и от Верхней Волги до Вислы. Киев был объявлен «матерью городов русских», то есть столицей метрополии.

Всё это сразу потребовало совершенствования путей сообщения между метрополией и регионами. Тогда-то и был проложен знаменитый торговый путь «из варяг в греки» – по Днепру, Ловати, Ильмень-озеру, Волхову, через Ладожское озеро и Неву в Балтийское море. Кроме того, была освоена торговая водная дорога по Волге и Каспийскому морю к берегам Персии.

С продвижением славян в южном направлении Византия обрела беспокойное соседство. В 907 году князь Олег морем пришел к византийскому берегу. Его бывалые воины поставили

ладьи на колеса и, поймав парусами попутный ветер, сухопутный военный флот Олега штурмом взял Царьград. Император капитулировал без боя. Эта победа позволила Киевской Руси укрепить своё влияние не только в Константинополе, но и дальше на западе и востоке. Русские торговые караваны судов достигали берегов Египта, Испании и Северной Африки.

Плавание новгородцев

Мореходные и торговые дела предприимчивых людей Великого Новгорода оставили глубокий след в русской истории. О самых знаменитых из них – богатом госте Садко и удалом молодце-ушкуйнике Василии Буслаеве – были сложены замечательные былины. Особенно интересно то, что описанные в них маршруты практически полностью соответствуют реальностям тех давних времён.

В истории Великого Новгорода важнейшую роль играли речные пути, связывавшие город и его владения с дальними странами востока, юга и севера. Это – речной путь «из варяг в греки» и одновременно из черноморских стран в Новгород. Главной же водной артерией новгородской торговли с Волжской Булгарией, хазарами, арабами, государствами Средней Азии и Золотой Ордой служила Волга. Новгородцы освоили несколько водных путей из Новгорода на Волгу.

На каких же судах плавали Садко и другие новгородские купцы? Для Балтийского моря использовались заморские лоды (ладьи). Определение «заморские» означало, что они предназначались для торговли за морем. Они представляли собой относительно крупные палубные суда с надстройкой, называемой чердаком. У такой ладьи основой корпуса были мощный киль и шпангоуты из цельных «кокор» из кривых стволов, к которым крепились дощатая обшивка. Конструкция этих кораблей отражала традиции восточнославянских и скандинавских судостроителей. Длина такой ладьи составляла около 20 м, ширина 4,5–5,5 м, осадка до 2 м, а водоизмещение – до 100 тонн. Съёмная мачта держала на рее прямой парус площадью до 80 кв. м. Рулевое весло было на правом борту.

А для прибрежного морского плавания, для путешествия по рекам и перетаскивания через волоки более пригодны были другие плавсредства – шитики и ушкуи, созданные новгородскими умельцами. Шитик – это малая плоскодонная ладья длиной до 15 м и шириной около 3 м, грузоподъемностью до 30 тонн, предназначенная прежде всего для перевозки грузов. Шитик оснащался мачтой с прямым парусом и вёслами. В средней части ладьи было дощатое укрытие, а в кормовой части – помещение для команды. Обычно на большом шитике имела небольшая грёбная лодка (шлюпка) для сообщения с берегом.

Особое место занимал в жизни новгородцев ушкуй. Эта ладья, вмещавшая 25–30 человек, имела съёмную мачту и весла. Иногда на ушкуе устанавливалась и палуба. Ушкуи были лёгкими на ходу. Сравнительно небольшая осадка позволяла им ходить и по малым рекам. Ушкуи получили большую известность в первую очередь из-за того, что были излюбленным типом судна новгородской вольницы. Ушкуйники активно участвовали в освоении Заволочья, Вятской и Пермской земель, в боевых и торговых походах северных соседей викингов.

Знаменитым ушкуйником был и герой новгородской былины Василий Буслаевич. По былине, он набрал дружину таких же молодцев, как он сам. Охотники нашлись и составили как раз экипаж одного ушкуя. Василий погрузил на ушкуи свинец, порох, запасы хлебные, оружие долгомерное. В былине описаны приключения Василия и его дружины на пространстве от Каспийского моря до «Ерусалимграда на Ердан-реке». На обратном пути в Новгород Василий Буслаевич сложил свою буйную голову на горе Сорочинской, распугивая «заставу корабельную». Немало молодцев-ушкуйников остались навсегда в сырой земле по берегам Волги и других рек.

Былины о Василии Буслаевиче отразили сведения о походах ушкуйников, редко и неохотно упоминаемые историками. Ведь ещё во второй половине XII века новгородские ушкуйники отправились на судах вниз по Волге, вошли в Каму и, пробившись сквозь владения болгар, добрались до реки Вятки и завладели несколькими городками, заложили свой укрепленный город Хлынов – центр новгородского влияния. Вся эта местность стала называться

Вяткой, а жители вятичами. Со временем название Вятка перешло и на главный город области. Вятичи установили республиканский политический строй, как и в Новгороде.

Флотилии ушкуйников непрерывно тревожили волжско-камских болгар, нападая на их города Кашан, Жукотин и другие, ходили по Волге, грабили под Нижним Новгородом торговые караваны татар, болгар, армян, персов, индийцев и других восточных народов, которых в русских летописях называли обобщенно «бесерменами». Отмечены нападения на бесерменские караваны в 1375 году, когда до 2000 ушкуйников на 70 судах хозяйничали на Волге от Костромы до Астрахани. Летопись отмечает случаи нападения ушкуйников и на русские поволжские города. Такая разбойная активность новгородских, вятских и иных ушкуйников продолжалась на Волге до конца XIV века. Это дало основания некоторым татарским историкам утверждать, что на самом деле было не монголо-татарское иго на Руси, а русское иго на татарских землях. Закончилась же разбойная экспансия ушкуйников только с возрастанием силы и влияния Московского княжества.

Самое раннее упоминание о северных плаваниях новгородцев имеется в Софийской летописи, где говорится, что в 1032 году новгородский посадник Улеб ходил к «Железным воротам» (возможно, имеется в виду пролив Карские ворота). Известен также рассказ летописца Нестора о посылке в 1096 году новгородским боярином Гюрятой Роговичем своих дружинников за данью в Печорский край и на Северный Урал. Рассказ изложен летописцем от лица самого Гюряты Роговича: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду. И пришел отрок мой к ним, а оттуда пошел в землю Югорскую. Югра же – это люди, а язык их непонятен, и соседят они с самоядью в северных странах. Югра же сказала отроку моему: «Дивное мы нашли чудо, о котором не слыхали раньше, а началось это еще три года назад; есть горы, заходят они к заливу морскому, высота у них как до неба, и в горах тех стоит клик великий и говор, и секут гору, стремясь высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож ли или секиру, они взамен дают меха. Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не всегда доходим до них; идет он и дальше на север».

Сейчас трудно понять, что за таинственный народ, проживающий внутри горы (может быть, в пещере?) обнаружили югорцы (по-современному – обские угры, то есть манси или ханты). Вообще в те времена и на русском севере, и в Сибири ходили легенды о неких подземных жителях, которые раньше жили на поверхности земли, но ушли под землю перед лицом каких-то грядущих угроз. На Руси этих подземных жителей называли «чудью белоглазой», а народы Сибири (те же ханты и манси, например – сабирами, савирами, сибирями). Похожие легенды есть и у народов Алтая, и у сибирских (барабинских) татар.

Достоверные сведения о приключениях мореходов Великого Новгорода содержит памятник древнерусской литературы «Послание» Василия Новгородского. По словам писателя-историка С.Н. Маркова, архиепископ Новгородский Василий, «старчище-пилигримище», известный ранее в миру под именем и прозвищем Григория Калики, строил в Новгороде каменные стены, собственными руками чинил мост через Волхов. Он в своё время побывал в Царьграде-Константинополе. Перу архиепископа Василия принадлежит «беседа» о Царьграде, о его достопримечательностях и памятниках прошлого, составленная около 1323 года. В 1347 году Василий закончил одно из своих посланий. В нем описывались дальние морские путешествия новгородцев. «... Много детей моих новгородцев видоки тому: на дышющем море червь не усыпающий, и скрежет зубный, и река смоляная Могр», – писал Василий. Из этих слов явствует, что мореходы, плававшие по «дышющему морю», были современниками Василия. Он лично общался с ними и слышал изустные рассказы об опасностях и муках, которые и «ныне суть на Западе», как выражался он в своем «Послании».

«Где же побывали отважные новгородцы? – пишет С.Н. Марков, – Перед нами открывается необъятная Северная Атлантика. «Червь неусыпающий» – морской слизняк, которым кишат воды Шпицбергена, Ян-Майена и Исландии. «Река смоляная Могр» – мощные потоки чёрной лавы исландских вулканов. И с чем же, как не со «скрежетом зубным», можно сравнить звуки от непрерывного трения льдин друг о друга?»

Откуда новгородцы могли начать свое плавание? К тому времени на «дышащем море» уже более столетия существовало новгородское поселение Кола, колыбель древних русских мореходов. В летописях Норвегии и исландских сагах есть подтверждение тому, что в 1316 году русские мореплаватели доходили до Галогаланда. Это северная оконечность Норвегии. Далее расстилался страшный «безбрежный океан, опоясывающий всю землю», как говорил немецкий историк XI века Адам Бременский.

В 1318 году новгородские удалыцы снова пошли «за море» и, обогнув Скандинавский полуостров, достигли Ботнического залива. Через два года новгородские «повольники» Лука и Игнат оглядывали со своих судов побережья крайнего севера Норвегии. В 1323 году исландские летописцы занесли в свои свитки свидетельства о том, что русские мореплаватели снова появлялись в Галогаланде. Около 1326 года новгородцы и двиняне опять ходили морем в Скандинавию. Они тогда уже держали в своих руках огромный участок Северного морского пути от Скандинавии до устья Печоры.

В том же послании 1347 года Василий Новгородский рассказал о втором походе отважных новгородских мореплавателей, но уже на Северо-Восток. Он даже называет их имена: Моислав Новгородец и сын его Яков. У них были три судна, снабженные мачтами – «щеглами». «...И всех было их три юмы, и одна из них погибла, много блудив, а две их потом долго носило ветром, и принесло их к высоким горам», – повествует Василий Новгородский.

Он рисует величественную картину северного сияния, к которой были прикованы взоры Моислава, Якова и их спутников. «...И свет бысть в месте том самосиянен, яко не мощи человеку исповедати: и пребыша долго время на месте том, а солнца не видеша, но свет бысть многочасный, светлуся паче солнца». Из этого отрывка мы можем заключить, что долгая полярная ночь застала отважных новгородцев в их скитаниях.

По свидетельству древнего писателя, Моислав и Яков трижды посылали своих спутников на высокую гору – «видети свет». В этом нет ничего сказочного, противоречащего действительности; в науке известны северные сияния, горящие на сравнительно небольшой высоте от земли, когда создается впечатление, что до них, что называется, «рукой подать»...

Моислав и Яков «побегоша вспять», ибо им не дано было «дале того видети светлости тоя неизреченные». Вернувшись на берега Волхова, отважные мореплаватели рассказали о том, что они видели на дальнем Северо-Востоке. Картину северного сияния, вдохновенно нарисованную Василием Новгородским, можно считать древнейшим описанием этого явления, отысканным мною в русской литературе».

Что искал купец за тремя морями?

В российской истории много загадочных личностей. И, может быть, самая загадочная из них – личность тверского купца Афанасия Никитина. Да и купцом ли он был? А кем, если не купцом? То, что был путешественником и писателем – это понятно: совершил своё «Хождение за три моря» и ещё написал о нём, да так, что и сейчас, спустя более 500 лет, читать интересно. А вот чем торговал этот купец – неизвестно. Почему сам ехал на одном судне, а товары вёз на другом? И зачем брал с собой книги – целый сундук? Есть и ещё вопросы...

Записки Афанасия Никитина приобрёл в 1475 году Василий Мамырев, дьяк великого князя московского Ивана III, у неких купцов, прибывших в Москву. «Обретох написание Офонаса тверитина купца, что был в Ындее 4 годы, а ходил, сказывают, с Василием Папиным» – так надписал обретенные «тетрати» путешественника дотошный чиновник, уточнив при этом, что вышеупомянутый посол ездил тогда к Ширван-шаху (то есть к правителю Азербайджана) с партией кречетов (знаменитых ловчих птиц русского Севера), предназначенных в дар восточному властителю, а позже участвовал в Казанском походе, где и погиб от татарской стрелы. Уже такое предисловие говорит о пристальном интересе высшего кремлёвского чиновника к этому документу (дьяк – должность, соответствующая статусу министра).

А документ в самом деле прелюбопытный. Вот что из него следует. Когда в 1466 году великий князь Московский Иван III отправил своего посла Василия Папина ко двору шаха страны Ширван, купец из Твери Афанасий Никитин, собиравшийся в торговую поездку на Восток, решил присоединиться к этому посольству. Готовился он основательно: достал проезжие грамоты от великого князя Московского и от князя Тверского, охранные грамоты от епископа Геннадия и воеводы Бориса Захарьевича, запасся рекомендательными письмами к нижегородскому наместнику и таможенному начальству.

В Нижнем Новгороде Никитин узнал, что посол Папин уже проследовал мимо города к низовьям Волги. Тогда купец решил дожидаться ширванского посла Хасан-бека, который возвращался ко двору своего государя с 90 кречетами – подарком Ивана III. Товары свои и вещи Афанасий разместил на малом судне, а сам с походной библиотечкой устроился на большом корабле с другими купцами. Вместе со свитой Хасан-бека, кречетниками и Афанасием Никитиным в Ширванское царство ехали более 20 русских – москвичей и тверичей. Чем собирався Никитин торговать, он нигде не упоминает. Прямо как у Пушкина в «Сказке о царе Салтане»: «Торговали мы недаром Неозначенным товаром».

В низовьях Волги караван ширванского посла сел на мель. Здесь на него напали лихие люди астраханского хана Касима. Они ограбили путников, убили одного из русских и отняли у них малый корабль, на котором были все товары и имущество Никитина. В устье Волги татары захватили ещё судно. Когда путешественники шли вдоль западного берега Каспия к Дербенту, налетела буря – и ещё корабль разбило у дагестанской крепости Тарки. Кайтаки, местные жители, разграбили грузы, а москвичей и тверичей увели с собой в полон...

Плавание продолжал единственный уцелевший корабль. Когда, наконец, прибыли в Дербент, Никитин, найдя Василия Папина, попросил его и ширванского посла, чтобы они помогли выручить русских, угнанных кайтаками. Его послушали и отправили скорохода в ставку государя Ширвана, а тот отправил посла к предводителю кайтаков. Вскоре Афанасий Никитин встречал освобожденных земляков в Дербенте.

Ширваншах Фаррух-Ясар получил драгоценных русских кречетов, но пожалел нескольких золотых монет, чтобы помочь раздетым и голодным людям вернуться обратно на Русь. Товарищи Никитина заплакали «да и разошлись кои куды». Те, у кого не было долгов за товары, взятые на Руси, побрели домой, другие ушли работать в Баку, а некоторые остались в Шемахе. Куда же направил стопы Афанасий Никитин, полностью ограбленный, без товаров,

денег и книг? «А я пошёл в Дербент, а из Дербента в Баку, а из Баку пошёл за море...» Зачем пошёл, почему, на какие средства? Об этом ни слова...

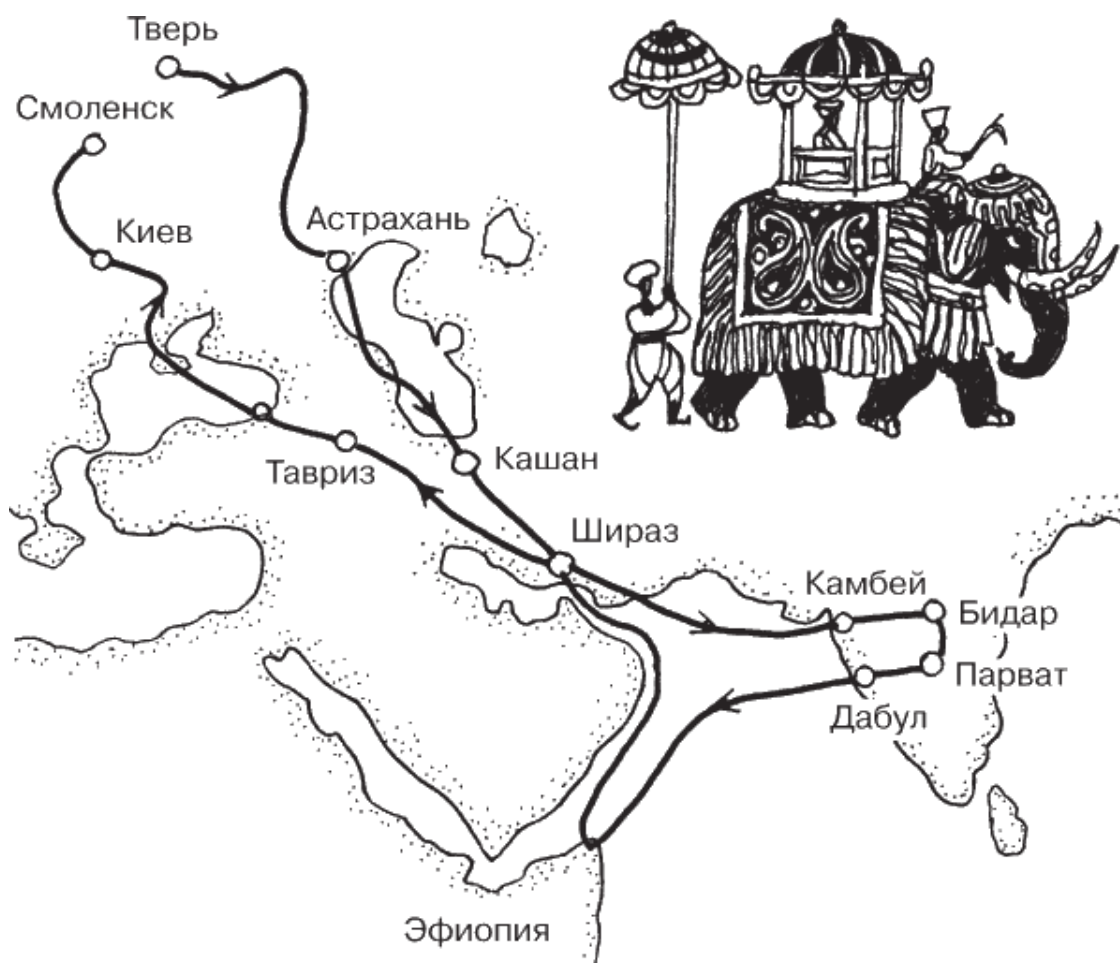
В 1468 году он оказывается в Персии. Где и как он провёл целый год – опять ни слова. Впечатлений от Персии, где он прожил ещё один год, у тверского купца совсем немного: «из Рея пошёл к Кашану и тут был месяц. А из Кашана к Найину, потом к Йезду и тут жил месяц...» Покинув Иезд, странник добрался до населенного купцами-мореходами города Лара, правители которого зависели от государя могущественной Белобаранной Туркменской державы. «Из Сирджана к Таруму, где финиками кормят скотину...»

«И тут есть пристанище Гурмызское и тут есть море Индейское», – записал Афанасий Никитин весной 1469 года в своей «тетрати». Здесь, в Ормузе на берегу Персидского залива, ограбленный странник вдруг оказывается владельцем породистого жеребца, которого надеялся выгодно продать в Индии. Вскоре Никитин вместе со своим конем был уже на парусном корабле без верхней палубы, перевозившем через море живой груз. Через шесть недель судно бросило якорь в гавани Чаул на Малабарском берегу, на западе Индии. Перевоз обошёлся в сто рублей.

Индия заняла в дневниках Афанасия значительное место. «И тут есть Индейская страна, и люди ходят все наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены, а все ходят брюхаты, а дети рождаются на всякий год, а детей у них много. А мужики и жонки все наги, а все черны. Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку...» – удивлённо записывал Афанасий Никитин.

Около месяца ехал на своем коне Афанасий Никитин в город Джуннар (Джунир), делая, видимо, частые остановки в пути. Он указывал в дневнике расстояния между городами и большими селениями. Джуниром, который входил, вероятно, в состав мусульманского государства, правил наместник Асад-хан, который, как писал Никитин, имея много слонов и коней, тем не менее «ездил на людях».

Пока Афанасий Никитин изучал Джунир, Асад-хан отнял у него ормузского жеребца, а затем стал шантажировать, обещая вернуть коня и дать тысячу золотых впридачу, если купец примет мусульманскую веру. Но православный христианин оказался стойким в убеждениях. А тут ещё вовремя объявился знакомый перс, казначей Мухаммед, который убедил Асад-хана оставить Афанасия в покое, и в конце концов джунирский хан вернул ему коня. Здесь тоже загадка – что за казначей Мухаммед, откуда он знал русского купца и почему вступился за него? Такое впечатление, что в Персии и в Индии у Афанасия были влиятельные друзья-мусульмане. Товарищам же своим по профессии купец советует: «Ино, братие рустии християня, кто хочет пойти в Индейскую землю, и ты остави веру свою на Руси, да воскликнув Махмета (призвав пророка Мухаммеда) да пойти в Гиндустанскую землю».

Плавание Афанасия Никитина (1468–1473 гг.)

Никитин продолжил своё путешествие. Прибыв в город Бидар, столицу мусульманского государства Декан, где торговали рабами, конями, золотистыми тканями. «На Русскую землю товара нет», – с огорчением записал путешественник. Оказалось, что Индия не так богата, как думали о ней в Европе. Осматривая Бидар, он описывал боевых слонов деканского султана, его конницу и пехоту, трубачей и плясунов, коней в золотых сбруях и ручных обезьян. Ему бросились в глаза роскошь жизни индийских «бояр» и нищета сельских тружеников. Знакомясь с индийцами, странник не скрывал, что он русский.

На каком языке общался Афанасий с местными жителями? Персидским и татарским языками он владел превосходно. Видимо, легко давались ему и здешние наречия. Индийцы сами вызвались проводить Никитина к храмам Шрипарваты, где его поразили огромные изображения бога Шивы и священного быка Нанди. Беседы с молящимися у кумирен Шрипарваты дали Никитину возможность подробно описать жизнь и обряды поклонников бога Шивы.

В это время в дневнике Никитина появился путеводитель с указанием расстояний до Каликута, Цейлона, царства Пегу (Бирмы) и Китая. Никитин записывал, какие товары вывозятся через индийские порты Камбай, Дабул, Каликут. Перечислялись самоцветы, ткани, соль, пряности, хрусталь и рубины Цейлона, яхонты Бирмы.

Кругом шли войны между азиатскими властителями. Путешественник описывал в «тетрациях» их выступления и походы, указывал численность войск мусульманских и индийских владык, перечислял виды вооружения, количество боевых слонов. «Пути не знаю. И куда я пойду из Индостана: из Ормуза пойти, а из Ормуза на Хорасан – пути нет, и на Чагатай пути нет, и на Бахрейн пути нет, и на Йезд пути нет», – горестно записывал Афанасий, тоскуя по родной земле.

...Весной 1472 года Афанасий Никитин твердо решил, несмотря ни на что, возвращаться на Русь. Пять месяцев провел он в городе Кулуре, где находились знаменитые алмазные копи и работали сотни мастеров ювелирного дела. Побывал и в Голконде, которая уже тогда славилась на весь мир своими сокровищами, в бывшей столице Декана Гульбарге и вышел на берег моря в Дабуле. Капитан беспалубного парусника, отправлявшийся в Ормуз, взял с Никитина два золотых. Через месяц тверитянин вышел на сушу. Это была Эфиопия. Здесь Афанасий Никитин пробыл около недели, ещё три недели он провёл на острове Ормузе, а затем пошел на Шираз, Испагань, Султанию и Тавриз.

В Тавризе Никитин посетил ставку Узун-Хасана, государя Белобаранной Туркменской державы, который властвовал тогда почти над всем Ираном, Месопотамией, Арменией и частью Азербайджана. Что связывало могущественного восточного владыку с тверским купцом, о чем беседовал с ним Узун-Хасан, дневники умалчивают, как и о многом другом. В гостях у туркменского царя путешественник пробыл десять дней. На Русь он шёл новым путем, через Чёрное море.

Новые испытания ждали Никитин у турок. Они перетрясли все его пожитки и унесли их в крепость, к наместнику и коменданту Трапезунда. Роясь в вещах странника, турки искали какие-то грамоты, возможно, принимая Афанасия Никитина за московского посла ко двору Узун-Хасана. Неизвестно, кстати, где, когда как и исчезли вышеупомянутые грамоты, полученные им в Москве и Твери перед отправкой в Ширван.

Через третье по счету море пошёл Афанасий Никитин к городу Кафе (ныне это Феодосия), колонии генуэзских купцов, где и высадился в ноябре 1472 года. Но конец путешествия Афанасия Никитина не очень ясен. «Сказывают, что, до Смоленска не дошед, умер», – сообщается в предисловии к «Хожению за три моря», обретенному дьяком Мамыревым.

Так же непонятно, что делал любопытный тверяк, пребывая четыре года в Индии. И почему, наконец, некоторые строки и страницы дневника написаны не по-русски, хотя и русскими буквами. Выдвигались даже версии, что это некие зашифрованные тексты. Однако переводы с персидского и татарского языков показывают, что на этих языках написаны размышления Афанасия о Боге, о постах и молитвах...

Вот несколько заключительных строк в дневниковых записях Афанасия Никитина: «Милостиею Божию преидох же три моря. Дигерь Худо доно, Олло переводигерь дано. Аминь! Смилна рахам рагим. Олло акьбирь, акши Худо, илелло акшь Ходо. Иса рухоало, ааликсомлом. Олло акьберь. А илягаиля илелло. Олло переводигерь. Ахамду лилло, шукур Худо афатад. Бисмилнаги рахам ррагим. Хуво могу лези, ля лясайльля гуя алимуль гяйби ва шагадिति... (Остальное Бог знает, Бог покровитель ведает. Аминь! Во имя Господа милостивого, милосердного. Господь велик. Нет Бога, кроме Господа. Господь промыслитель. Хвала Господу, благодарение Богу всепобеждающему. Во имя Бога милостивого, милосердного. Он Бог, кроме которого нет Бога, знающий всё тайное и явное...)

И опять загадка. Почему православный христианин, отказавшийся принимать ислам, пишет молитвы на другом языке, причем эти молитвы похожи на мусульманские... Или история не всё знает о том, как молились тверские купцы в XV веке?

Одно несомненно: кем бы ни был Афанасий Никитин – купцом, разведчиком, проповедником или просто очень любознательным путешественником, – но писателем он был талантливым и человеком, без сомнения, обаятельным. Иначе как бы он мог сходить за три моря? Между прочим, он оказался первым европейцем, прошедшим в Индию морским путём – за тридцать лет до плавания португальца Васко да Гама!

Открытия америки

Как принято считать, Колумб до конца жизни был уверен, что открыл западный путь в Индию (в действительности тут всё не так просто, как не прост – и очень не прост! – был сам Адмирал Моря-Океана). То, что им была обнаружена неизвестная ранее часть света, выяснилось несколько позже. Вопрос в другом: не открывал ли кто Америку до Колумба? Многие факты свидетельствуют, что здесь побывали – и не раз! – древние и средневековые мореходы, не озаботившиеся тем, чтобы их имена вошли в историю великих географических открытий.

Китайцы и там успели

Знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук, побывавший в 1778 году на североамериканском побережье Тихого океана, обнаружил у местных индейцев немало вещей явно китайского происхождения. Более того, как выявили в XX веке этнографы, нагрудные украшения (типа мониста) индейских племен хайда и квакиютль, обитающих на северо-западе США и Канады, сделаны из китайских бронзовых монет.

Возможность высадки задолго до Колумба китайских моряков на берега Америки объясняется довольно просто. Мореходы Поднебесной империи вряд ли искали новые земли – скорее всего, их морские корабли или джонки прибывала к американским берегам стихия в «лице» ветров и течений. Хорошо известно, что Северо-Тихоокеанское течение, подходя к побережьям США и Канады, там поворачивает к югу и устремляет воды прямо к Мексике и Калифорнии. Если в XIX и XX веках бывали случаи, когда лёгкие китайские суденышки повывбрасывало на побережье Северной Америки, то, такое могло происходить и в доколумбовы времена.

Но «подозреваются» в доколумбовых визитах к берегам Америки не только китайцы. То же самое Северо-Тихоокеанское течение, перед тем как устремиться к Америке, проходит совсем недалеко от Японии. Очевидно, оно могло с одинаковым успехом перебрасывать в Новом Свете не только китайские, но и японские корабли. И то, что задолго до появления испанцев в Америке приходилось бывать мореплавателям Страны Восходящего Солнца, находит подтверждения в работах историков.

В 1956 году эквадорские и американские археологи, совместно проводя раскопки Вальдивии на южном побережье Эквадора, получили удивительные результаты: оказалось, что древние люди неизвестной прежде культуры IV–III тысячелетия до нашей эры, переходящие от охоты и собирательства к земледелию, уже умели делать великолепную глиняную посуду. В 1960 году археологи извлекли на свет красный глиняный кувшин, по многим признакам относящийся к керамическим изделиям неолитической культуры Японии, известной как Средний Дзёмон. Позже появились и другие подобные артефакты. Поражённые археологи даже слетали в Японию, чтобы на месте познакомиться с памятниками Среднего Дзёмона, и не только убедились в своей правоте, но даже нашли в Японии район, где сходство местной керамики с американскими образцами, буквально бросалось в глаза. Этим местом оказался остров Кюсю.

На территории Эквадора были сделаны и другие удивительные находки. Изучая памятники древней индейской культуры в Баия-де-Каракасе, археолог Э. Эстрада обратил внимание на глиняные игрушки, представляющие собой аккуратно вылепленные домики и статуэтки. Некоторые фигурки изображали бородатых людей, сидящих в типично японской позе – со скрещёнными ногами. А крыши игрушечных домиков имели загнутые углы, как у азиатских пагод. Были найдены также рельефные рисунки, изображавшие человечков, несущих на плечах японско-корейские «коромысла» – длинные шесты с подвешенными на концах грузами. Эти находки сходны с памятниками культуры этих стран, датируемыми первыми веками нашей эры. Значит, японские и корейские мореходы побывали на эквадорском побережье Южной Америки около двух тысяч лет назад?

Но уж по крайней мере в первой половине XV века мореплаватели Поднебесной империи Америку открыли. Это следует из книги английского исследователя Гевина Мензиса «1421 год, когда Китай открыл мир», вышедшей на русском языке в 2006 году. Во вступлении к своей сенсационной книге автор пишет:

«Вы думаете, Колумб первым открыл Америку? Вы заблуждаетесь. За 70 лет до него, в 1421 году, огромный китайский флот совершил кругосветное путешествие, открыв и обе Америки, и Австралию, и даже Антарктиду...

У меня имеется достаточно доказательств, чтобы перекрыть всю историю великих географических открытий и западной цивилизации. В течение 10 лет я странствовал по земному шару, стараясь следовать по пути, проложенному китайскими путешественниками древности. Помимо того, я копался в различных архивах, музейных и библиотечных фондах, бродил по залам древних дворцов и замков, посещал известные с давних времен морские порты, исследовал береговую линию, высаживался на отдаленных, забытых Богом и людьми островах.

Где бы я ни был, я всегда или почти всегда обнаруживал свидетельства, говорившие в пользу моей теории. Остается только удивляться, что такие искусные путешественники, совершившие величайшие открытия в истории человечества, были этим самым человечеством незаслуженно забыты».

Более того, Г. Мензис приводит имена людей, имеющих к этим открытиям непосредственное отношение. Прежде всего, это Чжу Ди, второй император династии Мин. Далее – адмирал Чжэн Хэ, глава пяти Золотых флотов империи. Что касается конкретных открытий, то Южную и Северную Америку открыли моряки под командованием адмиралов Чжоу Маня и Чжоу Вэня. Кроме того, Чжоу Мань открыл Австралию, а Чжоу Вэнь совершил путешествие к Северному полюсу. Флот адмирала Хон Бао побывал в Австралии и Антарктике, а Ян Цин обследовал берега Африки.

Почему это не стало достоянием гласности? Этому есть свои причины. Во-первых, китайцы совершали путешествия и делали открытия не для так называемого «мирового сообщества», а для своей страны, по приказу императора – Сына Неба. Во-вторых, Китай всегда был достаточно закрытым государством и не спешил делиться добытой информацией с «длинноносыми» и «заморскими чертями», как именовались все иностранцы. В-третьих, европейцы, добывшие какими-то способами составленные китайцами карты новых земель, засекречивали их куда тщательнее, чем сами китайцы. И когда в печать просачиваются сведения о том, что Колумб, Магеллан, Васко да Гама и другие адмиралы Южных морей располагали секретными картами, авторы могут иметь в виду именно карты китайских адмиралов, открывших мир в ходе кругосветных путешествий 1421–1423 годов.

Египетские и финикийские следы

Египет – «альма матер» древнегреческих философов. Но что знала о нём Европа до XIX и XX веков? За одно только XIX столетие учёные-египтологи обнаружили столько сфер влияния древнеегипетской цивилизации, что сразу же усмотрели следы этого влияния в странах Нового Света. И чем больше они узнавали о Древнем Египте, тем более явными виделись параллели между цивилизациями Северной Африки и Центральной Америки. В первую очередь это, конечно, гигантские пирамиды, которые есть, кроме Египта, в Мексике и Перу. Схожи музыкальные инструменты и орудия труда, керамические и золотые филигранные изделия. По обе стороны океана поклонялись Солнцу, делали ритуальные изображения существ с телом человека и головой животного. А ещё поражает воображение сходство одежды, рецептур состава бронзы, одна конструкция ткацкого станка, солнечных календарей...

Уже во второй половине XX века американский ученый С.Гордон выступил с утверждением, что во II тысячелетии до Р. Х. египтяне неоднократно совершали плавания к берегам Центральной Америки. В качестве свидетельства он предъявил найденную в Мексике нефритовую статуэтку, изображающую сидящего писца, на которой имеется надпись, сделанная египетскими иероглифами.

А в 1970 году гипотезу о египетском влиянии на формирование древнеамериканских цивилизаций действительно поддержал знаменитый норвежский исследователь Тур Хейердал, переплыв с международной командой Атлантический океан на лодке «Ра-2», точной копии египетского судна, изготовленного по древней технологии из нильского папируса.

Во время строительства лодки Хейердал делился с коллегами своими наблюдениями: «Сходство между ранними цивилизациями Египта и Мексики не ограничивается лишь пирамидами. Ученые отмечают сходство фресковой живописи в храмах и усыпальницах, схожие конструкции храмов с искусными мегалитическими колоннадами... При сооружении сводов из плит архитекторы по обе стороны Атлантики не знали искусства возведения настоящей арки. Обращают на себя внимание наличие циклопических по размеру каменных человеческих фигур, удивительные астрономические познания и высокоразвитая календарная система в Мексике. Ученые сопоставляют удивительную по совершенству практику трепанации человеческого черепа, характерную для культур древнего Средиземноморья, Мексики и Перу, а также указывают на схожий египетско-перуанский обычай мумификации... Эти и другие многочисленные свидетельства сходности культур, взятые вместе, могли бы подтвердить теорию о том, что однажды или неоднократно суда с берегов Средиземного моря пересекали Атлантический океан и принесли основы цивилизации аборигенам Мексики...

Нигде – ни в Мексике, ни в другой части Америки, археологи не обнаружили признаков эволюционного развития культуры. Везде, как показали раскопки, цивилизация расцвела сразу. Повсюду мы находили следы пришельцев, принесших с собой зрелую и утончённую цивилизацию, а центра, откуда начиналась бы эволюция ранних американских культур, пока отыскать не удалось. И что ещё более поразительно, территория распространения ранней цивилизации Америки (культура ольмеков, мексиканские штаты Вера-Крус и Табаско, с 1200 или 800 до нашей эры по 400 до нашей эры), была ограничена весьма неудобным районом тропических джунглей Центральной Америки. Но именно здесь большое океанское течение, идущее от Гибралтара и Канарских островов, впадает в Мексиканский залив».

Лодка «Ра-2» вышла из Марокко 17 мая 1970 года, а 12 июля она благополучно достигла острова Барбадос, доказав тем самым, что Атлантический океан не был для египтян непреодолимой преградой. И совсем не исключено, что именно древние египтяне были среди первых открывателей Нового Света.

Сторонники точки зрения, согласно которой Америка была в древности открыта египтянами, возможно, и правы. Но они не могут не знать, что те же египтяне в морских делах пользовались знаниями и опытом финикийских капитанов. Как уже отмечалось выше, когда фараон Нехо II организовал крупную морскую экспедицию с целью проверить точность информации, что Африка со всех сторон окружена морем, плавание осуществляла нанятая им команда финикийцев, которые справедливо считаются самыми опытными и отважными моряками древности. Для этого были все основания. Ведь именно финикийцы (в Библии их страна носит название Ханаан) открыли и начали активно осваивать острова Канарские, Азорские и Мадейру, добирались до берегов Англии на Западе и до Малайского полуострова на Востоке, даже выходили в Тихий океан.

Древнегреческий ученый Диодор Сицилийский (I век до Р. Х.) в своём капитальном труде «Историческая библиотека» сообщает о какой-то далёкой земле в Атлантическом океане. «За Ливией (то есть Африкой), на расстоянии многих дней плавания, в океане лежит остров больших размеров. Земля там плодородна, гориста, и немало там равнин прекрасного вида. По ним текут судоходные реки. В древние времена этот остров оставался неоткрытым, так как был удалён от остального обитаемого мира, и был обнаружен только в позднее время по такой причине: с древних времен финикийцы много странствовали в целях торговли, основали колонии в Ливии и в западной части Европы. Обследовав район, находящийся за Геркулесовыми Столбами, они были отнесены ветрами далеко в океан. После долгих скитаний их вынесло на берег острова, нами упомянутого... Там есть деревянные хижины, с любовью построенные, с садами, в которых есть фруктовые деревья всех сортов. Холмистая местность покрыта дремучими лесами. Жители много времени проводят на охоте. Есть у них и рыба, ибо берега их родины омывает океан...». Судя по этим подробностям, финикийцы не только побывали на острове и обследовали его, но и смогли вернуться обратно – иначе откуда бы Диодор получил столь необычные сведения?

В пользу финикийской гипотезы свидетельствуют и удивительные находки, сделанные в разное время в Новом Свете. Так, ещё в 1869 году в американском штате Нью-Йорк из земли была выкопана огромная каменная статуя, на которой видна хоть и нечёткая, но явно финикийская надпись. Вскоре после этого в бразильском штате Параиба нашли каменную плиту с финикийскими письменами. Напрашивалось стандартное для всех «нестандартных» археологических находок объяснение – «подделка». Но год спустя в том же бразильском штате обнаружилась ещё одна плита с финикийской надписью, за подлинность которой грудью встал директор Национального музея в Рио-де-Жанейро доктор Ладислау Нетту. Расшифрованная подпись гласила: «Мы – сыны Ханаана из Сидона, города царя. Торговые дела завели нас на этот далекий берег, в край гор. На 19-м году правления Хирама, нашего могущественного царя, мы отплыли из Эзион-Гезера в Красное море и отправились в путешествие на 10 судах. Два года все вместе мы плыли по морю вокруг земли Хам, но были разлучены рукой Ваала – и уже не стало с нами наших товарищей. И так мы попали сюда, двенадцать мужчин и три женщины, на этот остров».

«К сожалению, сама эта плита не сохранилась, остались лишь снятые с нее рукописные копии надписи. – пишет исследователь В.И. Малов в работе «Тайны географических открытий». – Поэтому в наши дни скептики не верят, что плита была на самом деле, считая всю эту историю чьей-то выдумкой. Однако стоит припомнить, что в том же году, когда плита была найдена, видный немецкий ученый К. Шлоттман опубликовал в серьезном научном журнале статью, где, подытоживая собственный анализ финикийской надписи, писал: «Если это фальшивка, то злоумышленник должен быть прекрасным знатоком финикийского языка и обладать большим эпиграфическим талантом, ибо отдельные черты надписи не только финикийские, а, несомненно, сидонские. Трудно предположить, что такой знаток диалектов финикийского языка живет в Бразилии, да и в Европе их, наверное, не так уж много...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.